

утром и поздно ночью. Ужасно скучала. Страдала от одной мысли, что мы опять не сможем выходные толком провести — супруга постоянно срывали с места срочные звонки. А разошлись мы так же стремительно, как сошлись. Хотя, опять же ничто неожиданно не происходит — любой развод назревает постепенно. Павел категорически не хотел, чтобы я работала и выступала на сцене. Чем он руководствовался — ревностью или чувством собственника, не знаю. Мужчины ведь никогда не скажут правды — боятся своих откровений. Но стать тенью супруга, забыть о музыке я не хотела и не могла. Какое-то время я пыталась приладиться к образу жизни, на котором настаивал Павел. Но довольно скоро у меня начались депрессии. А какому мужчине понравится, приходя поздно вечером усталым с работы, видеть в доме плачущую, неуверенную в себе женщину...

— *Вы помните, как первый раз заплакали от своей обиды?*

— Я помню свой первый срыв и ощущение полной безысходности. Это было в ЦКЗ «Россия», перед большим концер-

том, на котором я должна была исполнять песню с саундтрека к «Сибирскому цирюльнику». Я предполагала, что это выступление станет моим звездным часом и поможет мне вновь напомнить о себе после долгого перерыва — я ведь только родила Илюшу. В общем, сложно объяснить, как много значил для меня тот концерт. А буквально за полчаса до выезда муж безапелляционно заявляет, что, несмотря ни на что, ровно в девять мы должны быть на званом ужине! Но это же шоу-бизнес, в котором ничто никогда не идет «по часам». Приехав в «Россию», я, естественно, обнаружила, что выступаю во втором отделении. Совершенно очевидно, что ни к каким девяти никуда не успеваю. Я — в слезы, рыдаю, вершущу как резаная. По правде говоря, я была буквально загипнотизирована Павлом, испытывала какой-то необъяснимый страх, боялась сделать что-то не так, испортить ему настроение. С рассветом, как только новорожденный Илюша начинал пищать, вскакивала, как пугливая львица, хватала ребенка, выбегала из комнаты — лишь бы малыш писком не разбу-

дил мужа. Делала все, чтобы сохранить его спокойствие, чтобы он мог спокойно работать, выспаться. Этот безумный страх был абсолютно новым для меня ощущением. Ведь в той, другой жизни с Леной Величковским все было наоборот. Леня вскакивал первым, бежал на кухню и варил мне кофе. Я просыпалась от запаха свежесваренного кофе, чашка которого уже ждала меня у кровати. Но в жизни, видно, все так устроено: кто-то отдает — кто-то берет, кто-то сильнее — кто-то слабее... Павла я любила неистово и в браке с ним абсолютно осознанно стала подневольным человеком. Вот и тогда в «России», забыв о впечатлении, которое произвожу на коллег и окружающих, начала метаться от режиссера к организаторам и, рыдая, требовала, чтобы меня переставили. Но разве это было возможно?.. Тогда хороший урок преподавал Борис Краснов. Он оттащил меня за кулисы и жестко спросил: «Что ты делаешь?! Возьми себя в руки. Ты же сейчас все и навсегда себе испортишь...» Я в истерике попыталась ему объяснить суть дела. Он тогда произнес слова, которые потом не

раз помогали мне выйти из тяжелых ситуаций: «Детка, запомни раз и навсегда — человек может предать, а работа не предаст никогда»... Я успокоилась и выступила. К девяти мы конечно же никуда не успели и молча поехали домой. Проплавав полночи, я первый раз поняла, что совместить работу и семейную жизнь так, как я хотела, не получится.

— *Выходит, что первое время вы пытались найти компромисс между семейной жизнью и работой?*

— Конечно. Я делала все, что говорил Павел. «Пять концертов в месяц, и не больше». — «О'кей, пять концертов». Возразила только тогда, когда муж попросил сократить количество выступлений до трех, а мне ведь необходимо было зарабатывать деньги на оплату коллектива, клипов, студии. Деньги же из семьи, содержание которой целиком и полностью лежало на Павле, я принципиально не хотела тянуть. Муж говорил, что шоу-бизнес — просто моя слабость, мое хобби, а хобби не относится к статье первостепенных расходов. И в этом с ним я была соглас-